

18+

Дмитрий Толяков

Живой

«Стеклянный солдат»

Дмитрий Голяков

Живой. Стекланный солдат

«Издательские решения»

Голяков Д.

Живой. Стекланный солдат / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Бывший десантник Лёха Стеклов попадает в мир, где магия — это программирование. Его проклятие: он не может умереть. Каждая смерть заканчивается воскрешением в чужом теле. Расследуя убийство в запертой комнате, Лёха находит Порог — границу между мирами. Там его ждёт Варя, которая грезила о нём тысячу лет, и Ника — живая память без имени. Лёха искал смерть, но нашёл тех, кто нуждается в нём живом.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Смерть в запертой комнате	6
Глава 2. Чужие лица	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Живой Стекланный солдат

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0070-1023-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Смерть в запертой комнате

Дождь начался за час до того, как Лёху Стеклова вызвали на осмотр.

Он сидел в кабинете приёмной комиссии гильдии магического сыска и смотрел в окно. За мутным стеклом улицы Тверского околотка превратились в чёрную реку. Фонари горели тускло — их питали не уголь и не электричество, а застывшие в стеклянных колбах огненные мухи. Специальная порода, выведенная ещё при старом режиме. Мухи умирали через три года, и свет становился желтоватым, больным.

Лёха таких мух видел в пяти мирах. Везде одинаковые. Везде дохнут одинаково.

— Стеклов, — позвал секретарь из соседней комнаты. — Заходите.

Он поднялся. Спина хрустнула — вчерашнее падение с лестницы давало о себе знать. Лёха не помнил, зачем падал. Проснулся на полу в чужой квартире, в чужой одежде, с чужой занозой в ладони. Хозяйка квартиры — женщина лет шестидесяти — спала на кровати и не проснулась. Дышала ровно. Лёха тихо вышел, закрыл дверь на щеколду и пошёл на вызов.

Он привык. За два года в этом мире он привык ко всему, кроме одного: он не мог привыкнуть к тому, что не может умереть.

Кабинет приёмной комиссии был маленьким и душным. Стены завешаны свитками — регламенты, уставы, табели о рангах. В углу на подставке лежала медная доска с выгравированной картой околотка. Красные нити обозначали линии магической связи. Жёлтые — пути отступления. Зелёные — зоны, где магия запрещена под страхом немедленной казни.

За столом сидел мужчина в чёрном мундире. Погоны — две серебряные молнии. Это означало, что перед Лёхой не просто следователь, а следователь по особым делам. Таких в околотке было трое. Двое уже при смерти. Этот, судя по лицу, третий.

— Садитесь, Стеклов, — сказал следователь. — Меня зовут Глеб Веригин. Я веду дело архивариуса Бориса Немого.

— Немой? — переспросил Лёха. — Фамилия или диагноз?

Веригин посмотрел на него без улыбки.

— И то, и другое. Борис не говорил с рождения. Но писал. Очень много. За тридцать лет службы он исписал тысячу двести свитков. Восемьдесят из них — секретные. Двадцать два — с грифом «Стекло». Это высший уровень допуска. Меньше десяти человек в гильдии могут читать такие свитки. Борис был одним из них.

— И кто его убил?

— Вы.

Лёха молчал ровно три секунды.

— У меня алиби, — сказал он. — Вчера с восьми вечера до двух ночи я лежал в канаве на Лисьей улице и пытался вспомнить, как меня зовут. Меня никто не видел, потому что канава глубокая, а я не дышал. Я не дышу, когда сплю. Привычка с того мира.

Веригин не моргнул.

— Я знаю. Я читал ваше дело. Прибыли из-за Грани два года назад. Ни документов, ни магического следа, ни прошлого. Только воспоминания о службе в десанте, которой в нашем мире не существует. Семь попыток самоубийства за первый месяц. Ни одна не удалась. Ваше тело регенерирует быстрее, чем вы успеваете умереть. Гильдия классифицировала вас как «живучий аномальный объект». Вы работаете на нас с прошлого года. Ваше имя — Лёха Стеклов. Позывной Скол. Я ничего не упустил?

— Упустили, — Лёха достал папиросу. — Мне платят мало.

— Не курите здесь. Бумаги горят.

Лёха убрал папиросу.

— Что с архивом? — спросил он.

— Архив не тронут. Убийца не брал свитки. Не брал печати. Не брал даже мелочи из стола Бориса — медные монеты, авторучки, запасные линзы для очков. Убийца пришёл не за богатством.

— За чем?

— Это вы мне скажете. Вы были там первым после стражи.

— Стражу кто вызвал?

— Соседка. Услышала стук. Глухой, ритмичный, как маятник. Длился полчаса, потом прекратился. Она поднялась, постучала — никто не открыл. Вызвала стражу. Они взломали дверь. Борис лежал на полу. В комнате больше никого не было.

Лёха кивнул.

— И дверь была заперта изнутри, — сказал он.

— Откуда вы знаете?

— Потому что иначе вы бы не позвали меня. Вы позвали меня, потому что это запертая комната. А я специалист по странным смертям. Моя работа — смотреть на труп и говорить, кто его убил, даже если убийцы не существует.

Веригин медленно кивнул.

— Вы правы. Дверь была заперта на внутренний засов. Окна заложены кирпичом со времён основания гильдии. В комнате одна дверь, одно окно, два шкафа со свитками, стол, стул и труп. Вентиляционная решётка — четыре на четыре вершка. Взрослый человек не пролезет. Ребёнок — тоже.

— А дух?

— Что — дух?

— Дух мог пролезть. Бесплотный. Невидимый.

Веригин помолчал.

— Вы верите в духов?

— Я верю в то, что вижу, — сказал Лёха. — А вижу я труп в запертой комнате с кровью на потолке. Дух — это не магия. Дух — это программа без носителя. Их нельзя убить, но можно запереть. Если архивариус хранил секретные свитки, он мог хранить и духа. Или душу. Или что там ещё можно хранить в банке.

— Вы думаете, Бориса убил его собственный архив?

— Я ничего не думаю, пока не увижу тело.

Веригин встал. Достал из сейфа ключ — бронзовый, тяжёлый, с тремя бородками.

— Идёмте, Стеклов.

Они вышли в коридор. Пол был каменным, холодным. Сводчатый потолок терялся в темноте. Лампы с огненными мухами висели через каждые пять шагов, но света давали ровно настолько, чтобы не споткнуться.

— Скажите, Веригин, — Лёха шёл чуть сзади, разглядывая спину следователя. — Почему вы позвали именно меня? В гильдии есть маги, которые видят сквозь стены. Есть аналитики, которые восстанавливают события по запаху. Есть даже один тип, который читает мысли с мёртвых тел. Я же просто солдат. Бывший. Поломанный.

Веригин остановился. Обернулся.

— Потому что вы не используете магию, Стеклов. А убийца — использует. Если я пошлю мага, он увидит то, что хочет убийца. Ловушку. Обман. Иллюзию, встроенную в само преступление. А вы видите мир без магии. Вы видите камни, воздух, кровь и тишину. Иногда этого достаточно, чтобы заметить то, что магический глаз пропускает.

— Или то, что он боится увидеть, — сказал Лёха.

— Или это, — согласился Веригин.

Они спустились на два пролёта вниз. Коридор стал уже. Потолок — ниже. Воздух — тяжелее, с привкусом формалина и старой бумаги. Лёха узнал этот запах. Так пахло в моргах

того мира, куда он уже никогда не вернётся. Только там вместо формалина использовали другие составы — на основе серебра и ртути. А здесь, судя по всему, обходились старой доброй химией.

Комната архивариуса находилась в самом конце тупика. Дверь была цела — дубовая, окованная железом. На уровне лица — табличка с гравировкой: «Борис Немой, хранитель свитков, класс допуска — Стекло».

— Стекло, — прочитал Лёха. — Как моя фамилия.

— Совпадение, — сказал Веригин. — Или нет. Я не знаю. Я только следователь.

Он вставил ключ. Повернул. Замок щёлкнул дважды — сначала мягко, потом глухо, как удар по пустому гробу. Веригин толкнул дверь. Та открылась с протяжным скрипом — петли не знали смазки много лет.

— Входите, — сказал Веригин. — Только не трогайте ничего. Кроме тела.

Лёха шагнул внутрь.

И сразу понял, что здесь что-то не так.

Комната была идеально круглой. Лёха не сразу это заметил. Сначала он смотрел на тело — оно лежало в центре, на спине, руки вдоль туловища. Потом на потолок — там темнело пятно. Потом на стены — шкафы со свитками, стол, стул. И только когда он обвёл взглядом периметр, до него дошло: углов нет.

Ни одного прямого угла.

Комната была построена как цилиндр. Стены изгибались плавной дугой, шкафы повторяли кривизну, даже стол был не прямоугольным, а овальным. Всё подогнано, всё закруглено. Как внутренность яйца. Как матка. Как место, где пространство должно течь, а не стоять на месте.

Но пространство стояло.

Воздух был плотным, почти осязаемым. Лёха сделал шаг — и почувствовал сопротивление. Будто шёл сквозь воду. Или сквозь чужое желание, чтобы он здесь не ходил. Такое бывает в старых библиотеках, где книги помнят тех, кто их читал. Но здесь книг не было. Здесь были свитки. А свитки, как говорил ему один знакомый маг, помнят лучше. Они впитывают не только слова, но и мысли переписчиков.

— Когда строили гильдию, — сказал Веригин из дверного проёма, — архитекторы использовали круглые комнаты для хранения опасных свитков. Считалось, что магия не может накапливаться в углах, если углов нет. Потом выяснили, что магия накапливается в центре. Именно там, где сейчас лежит Борис.

— Он сам выбрал это место? — спросил Лёха.

— Нет. Ему назначили. Архивариусы не выбирают комнаты. Комнаты выбирают архивариусов.

Лёха опустился на корточки рядом с телом.

Борис Немой был не старым и не молодым. Лет сорока. Лицо спокойное, почти умиротворённое. Глаза открыты. Зрачки расширены — в этом свете они казались чёрными, как у куклы. На висках — седина. На пальцах — чернильные пятна, которые не отмываются годами.

На груди — ни ран, ни крови. На шее — ни следов удушения. Лёха приподнял руку трупа — она поднялась легко, без трупного окоченения. Это было странно. Прошло не меньше двенадцати часов с момента смерти, а мышцы оставались мягкими. Такое бывает только при некоторых отравлениях. Или когда тело не понимает, что оно уже мёртвое.

— Он не коченеет, — сказал Лёха.

— Что? — Веригин шагнул внутрь.

— Скажи, когда умер Борис?

— Вчера, около десяти вечера. Соседка слышала стук с девяти до половины десятого. Значит, смерть наступила либо во время стука, либо сразу после.

— Двенадцать часов назад. А мышцы — как у живого. — Лёха сжал предплечье трупа. — Кожа тёплая. Не горячая, но тёплая. Будто кровь всё ещё циркулирует.

— Это невозможно, — сказал Веригин. — Сердце не бьётся. Я проверял.

— Я не говорю про сердце. Я говорю про магию. Кто-то подпитывает тело. Держит его в состоянии между жизнью и смертью. Зачем?

Веригин не ответил.

Лёха поднял голову и посмотрел на потолок.

Пятно крови было идеально круглым. Диаметр — около двух локтей. Края ровные, без подтёков. Кровь не капала вниз — она застыла на месте, будто потолок был не камнем, а промокательной бумагой. Или будто гравитация в этой комнате работала не так, как следовало.

— Что это? — спросил Лёха.

— Кровь, — ответил Веригин. — Анализ показал: кровь Бориса Немого. Группа третья, резус положительный. Никаких примесей. Ни яда, ни магических компонентов.

— Как она оказалась на потолке?

— Не знаю.

— Ты следовательно, Веригин. Ты должен знать.

— А ты солдат, Стеклов. Ты должен стрелять и не задавать вопросов. Но мы оба здесь, потому что не справляемся со своей работой. Я не знаю, как кровь попала на потолок. Я не знаю, почему тело не остывает. Я не знаю, кто убил Бориса и зачем. Поэтому я позвал тебя. Чтобы ты посмотрел на это всё свежим взглядом. Без магии. Без предрассудков. Просто как на место преступления.

Лёха встал. Прошёлся по кругу — вдоль изогнутой стены.

Шкафы со свитками были закрыты. На каждом — сургучная печать с гербом гильдии: раскрытая книга и молния. Печати целы. Лёха провёл пальцем по одной — сургуч не крошился, значит, ставили недавно. Дня три-четыре назад.

— Борис часто менял печати? — спросил он.

— Раз в неделю. По регламенту.

— А вчера менял?

— Не успел. Смена печатей по понедельникам. Вчера был вторник.

— Значит, печати стояли с понедельника. Их не вскрывали. Убийца не брал свитки. Тогда зачем он приходил?

Веригин развёл руками.

Лёха подошёл к столу. На столе лежали: чернильница, три пера, стопка чистой бумаги, зажим для свитков, лупа в медной оправе. И больше ничего. Ни личных вещей. Ни еды. Ни кружки. Ни записки. Даже подсвечника не было — Борис работал в темноте или при свете огненных мух, которые горели за стенами шкафов.

— Он был аскетом? — спросил Лёха.

— Не знаю. Я не знаю, кем Борис был вне работы. Он не говорил, не писал писем, не выходил в город. Он жил в этой комнате. Спал в кресле. Ел то, что приносила соседка. Она говорила, что он не жаловался. Никогда.

— Станный архивариус. Обычно хранители секретов любят власть. А этот даже не пользовался своим положением.

— Может быть, он хранил не секреты, — сказал Веригин. — Может быть, он хранил то, что нельзя было выпускать. И выпустил.

— Или выпустили его, — поправил Лёха.

Он подошёл к стене, провёл ладонью по камню. Холодный. Сухой. Шершавый. Но в одном месте, на уровне пояса, пальцы наткнулись на тепло.

Всего несколько градусов разницы. Но Лёха служил в разведке — он умел чувствовать тепло там, где его не должно быть. На тренировках их учили находить костёр за километр,

человека за сто метров, горячий ствол за десять шагов. Здесь не было ни костра, ни человека, ни ствола. Был камень.

— Веригин, подойди сюда.

Следователь приблизился. Лёха взял его руку и прижал к тому же месту на стене.

— Чувствуешь?

Веригин нахмурился.

— Камень не может быть тёплым. Стена — несущая. За ней подвал и грунт. Температура грунта — четыре градуса круглый год.

— Значит, за стеной не грунт, — сказал Лёха. — Отойди.

Он размахнулся и ударил кулаком по тёплому месту.

Кость хрустнула. Боль вспыхнула и сразу погасла — его тело уже начинало восстанавливаться. Но кирпич не поддавался.

Лёха ударил ещё раз. И ещё.

С третьего удара кирпич выпал внутрь — в пустоту.

За стеной не было подвала. Не было грунта. Не было ничего, что полагалось быть за стеной гильдейского архива.

За стеной была ночь.

Лёха видел такое однажды — в мире, где магию называли «глубинной сетью» и боялись её как огня. Там тоже были стены, за которыми пряталась не пустота, а пространство, насыщенное чужим вниманием. Как будто кто-то огромный смотрел на тебя с другой стороны реальности и ждал, когда ты ошибёшься.

За выпавшим кирпичом открылся проём размером с кулак. Но Лёха знал: если бы он мог расширить дыру, за ней не оказалось бы ни соседней комнаты, ни улицы, ни города. Там была бездна. Тёмно-синяя, с пульсирующими венами света. Как кровеносная система спящего великана. Вены пульсировали в такт — медленно, тяжело, как сердце старика перед смертью.

— Что это? — прошептал Веригин.

Он стоял в двух шагах, не решаясь приблизиться. Его лицо побелело. Серебряные молнии на погонах дрожали — от света, который лился из дыры, или от страха. Лёха не мог разобрать. Он вообще перестал разбирать чужие страхи после пятидесятой смерти. Чужие страхи казались ему игрушечными. Потому что никто из тех, кого он встречал, не умирал по-настоящему. Только он. Сто двадцать семь раз.

— Это Порог, — сказал Лёха. — Я встречал такое. Граница между нашим миром и тем, что за ним. Только обычно Пороги находятся в пустынях или на дне морей. Не в стенах архивов.

— Кто его открыл?

— Не кто. Что. — Лёха прищурился, вглядываясь в сияющую тьму. — Порог не открывают. Порог пробивают. С той стороны.

Из глубины дыры на него смотрели.

Не глаза. Не лицо. Просто взгляд без источника. Тяжёлый, старый, голодный. Так смотрит волк на загнанную лошадь — не потому что злой, а потому что хочет есть. Но волк хотя бы моргает. А здесь не было век. Не было глаз. Не было ничего, кроме внимания, направленного прямо в душу.

Лёха почувствовал, как по спине побежали мурашки. Не от страха. От узнавания. Он знал этот взгляд. Он чувствовал его в моменты между смертью и воскрешением — когда его сознание перелетало из одного тела в другое, на долю секунды зависая в пустоте. Там всегда было темно-синее небо с пульсирующими венами. И всегда кто-то смотрел.

— Рано тебе сюда, Скол, — сказал голос из-за стены.

Голос был не громким и не тихим. Он звучал внутри черепа, минуя уши. Лёха почувствовал, как вибрация прошла по позвоночнику — от копчика до затылка. Язык, на котором

говорил голос, был незнакомым, но Лёха понимал каждое слово. Так бывает во сне: ты слышишь тарабарщину, но смысл доходит напрямую, в обход перевода.

— Ты ещё не умер достаточно раз, — продолжал голос. — Твоя боль ещё не созрела. Возвращайся. Живи. Умирай. Живи снова. Когда твоя смерть станет тысяча первой, тогда приходи. Я буду ждать.

— Кто ты? — спросил Лёха.

Он не боялся. Он давно перестал бояться. После пятидесяти смертей страх кончился, осталось только любопытство. Как у сапёра, который обезвредил столько мин, что уже не верит в свою смерть. Это опасное состояние — его учили, что страх сохраняет жизнь. Но Лёха уже понял, что его жизнь не сохраняет ничто. Она просто есть. Как проклятие. Как болезнь, от которой нет лекарства.

— Я — то, что осталось, когда стирают всё, — ответил голос. — Я — память без носителя. Я — ошибка, которую нельзя исправить. Я — твоё будущее, Скол. Ты станешь мной. Или я стану тобой. Мы ещё не решили.

— А Борис? — спросил Лёха. — Он тоже стал тобой?

Голос за стеной помолчал. Вены света пульсировали чаще, как будто голос раздумывал, стоит ли говорить правду.

— Борис был дверью, — наконец сказал голос. — Он не знал, что он дверь. Он думал, что он хранитель. Но ключи хранят не двери. Двери хранят проход. Борис держал меня взаперти тридцать лет. Не потому что был сильным. Потому что был немым. Моё имя нельзя произнести вслух, Скол. Тот, кто произнесёт — откроет меня. Борис не мог произнести. У него не было голоса.

— А кто произнёс?

— Ты, — сказал голос. — Когда вошёл в эту комнату. Ты не сказал моё имя, но ты подумал о нём. Ты подумал: «Что, если за стеной дух?» И этого оказалось достаточно. Ты не открыл меня полностью. Но ты сделал щель. Борис умер, потому что щель была в его груди. Я не хотел. Но я голоден. А он был так близко.

Лёха почувствовал, как в груди похолодело. Не от страха — от понимания. Он убил этого человека. Не ножом, не пулей, не магией. Просто мыслью. Просто предположением, которое оказалось слишком точным. Это было хуже, чем убийство руками. Руками он хотя бы знал, что делает. А мысль пришла сама.

— Ты убил его не за то, что он сделал. А за то, что он был рядом, когда я подумал неправильную мысль.

— Да, — просто ответил голос. — Твоя мысль стала моим ножом.

— Тогда я должен уйти, — сказал Лёха. — Чем дальше я буду от этой стены, тем безопаснее для всех.

— Нет, — голос почти засмеялся. В его смехе не было радости. Было удовлетворение — как у кота, который загнал мышь в угол. — Теперь ты носишь меня в себе. Мысль нельзя унести. Мысль можно только забыть. А ты не забываешь ничего, Скол. Ты помнишь каждую свою смерть. Ты будешь помнить и меня. Всегда.

Лёха выпрямился. Достал папиросу. Закурил, несмотря на запрет Веригина. Спичка чиркнула по коробку — звук показался неестественно громким в мёртвой тишине комнаты. Веригин что-то зашипел сзади, но Лёха не обратил внимания.

Выдохнул дым в дыру.

— Значит, договорились, — сказал он. — Ты теперь во мне. А я в тебе. Как будто поженились. Только без цветов и гостей.

— Ты не боишься? — удивился голос. В нём впервые прозвучало что-то человеческое — любопытство.

— Я уже умер сто двадцать семь раз. — Лёха говорил спокойно, как на допросе, когда правду уже нельзя скрыть. — В какой-то момент перестаёшь бояться даже бессмертия. Особенно бессмертия.

— Бессмертие — это не дар, — сказал голос. — Бессмертие — это когда смерть отказывается тебя принимать. Ты ей не нужен, Скол. Ты слишком горький. Она пробовала тебя сто двадцать семь раз и каждый раз выплёвывала.

— Значит, я невкусный, — Лёха усмехнулся. — Бывает.

Он потушил папиросу о каблук. Повернулся к Веригину.

— Слышал? — спросил он.

Веригин стоял бледный, с открытым ртом. Он явно слышал только одну сторону разговора — голоса из-за стены для него не существовало. Он видел только Лёху, который говорил в пустоту, смотрел в дыру и курил там, где курить было запрещено.

— Я слышал, как ты разговариваешь с пустотой, Стеклов. И мне это не нравится.

— Мне тоже. — Лёха посмотрел на дыру. Кирпичи уже начинали вставать на место — сами, без чьей-либо помощи. Камень затягивался, как рана. Сначала закрылась щель, потом подтянулись края, и через несколько секунд стена снова была целой. Только тёплое пятно осталось — память о том, что за ней было. — Веригин, запри эту комнату. Никого сюда не пускай. Никого, даже себя. Я пойду разбираться с тем, что теперь живёт у меня в голове.

— Ты не можешь уйти, — сказал Веригин. — Ты — главный свидетель. И главный подозреваемый.

— Я — единственный, кто может закрыть эту дверь, — ответил Лёха, коснувшись пальцем виска. — Дверь в моей голове. Или ты хочешь, чтобы твой околоток превратился в то, что за стеной?

Веригин молчал. Он смотрел на Лёху так, будто видел его впервые. Или будто видел не человека, а ходячую бомбу. Может, так оно и было.

Лёха вышел в коридор. Прошёл несколько шагов, потом обернулся.

— Кстати, — сказал он. — Ключ от комнаты. Он у меня в кармане. Я его не брал. Он сам пришёл.

Он вынул бронзовый ключ с тремя бородками. Тот самый, которым Веригин открывал дверь. Лёха не помнил, когда успел его взять. Не помнил, как ключ оказался в его кармане. Он просто пощупал куртку — и нащупал.

— Откуда он у тебя? — спросил Веригин.

— Спроси у того, кто живёт за стеной. Может, он ответит. А может, засмеётся.

Лёха бросил ключ следователю. Тот поймал — неловко, двумя руками. И остался стоять в коридоре с ключом в одной руке и с лицом человека, который понял, что его мир только что стал меньше и страшнее.

А Лёха пошёл к выходу. И в голове у него теперь было темно-синее небо с пульсирующими венами света. И кто-то смотрел оттуда. Тяжёло. Старо. Голодно.

«Живой, — сказал себе Лёха. — Я живой. Это единственное, что я знаю точно».

И вышел под дождь.

На улице было холодно.

Дождь не кончился — он просто изменил характер. Вместо плотной стены воды теперь шёл мелкий, злой, косой дождь, который забирался за воротник и охлаждал шею. Лёха поднял воротник — куртка была старая, десантная, ещё с того мира. Он берег её как единственную связь с тем, кем был когда-то.

Кем он был?

Он помнил лицо матери. Помнил запах казармы — солярка, хлорка, пот. Помнил прыжок с самолёта, когда парашют не раскрылся и земля летела навстречу со скоростью, на которой

не успеваешь испугаться. Помнил, как ударился. Помнил боль. Помнил, как открыл глаза и увидел над собой чужое небо — зелёное, с двумя лунами.

Это было два года назад.

С тех пор он умер сто двадцать семь раз. Не сразу. Сначала счёт шёл на десятки в месяц — он бросался под поезда, прыгал с крыш, вскрывал вены, травился магическими зельями, которые должны были сжечь его душу. Ничего не работало. Каждый раз он просыпался. Иногда через час. Иногда через день. Один раз через две недели — в морге, на каменном столе, с биркой на пальце ноги.

Санитар, который обнаружил, что труп дышит, сошёл с ума. Лёха не винил его. Он сам чуть не сошёл с ума в тот день.

Но не сошёл. Потому что у него была цель. Странная цель для человека, который хочет умереть: он хотел понять, почему не может этого сделать. И если поймёт — исправить. Сломать механизм. Найти выключатель.

Дождь стучал по мостовой. Лёха шёл медленно, не прячась. Прохожие обходили его стороной — кто-то узнавал, кто-то просто чувствовал, что от этого человека лучше держаться подальше. В Тверском околотке его знали как «живучего наёмника». Нанимали для грязной работы, когда нужно было кого-то найти, вытащить или заставить замолчать. Лёха брался за любую работу, кроме убийств. Убивать он больше не хотел. Он сам хотел быть убитым — но это, как выяснилось, не считалось работой.

Он свернул на Лисий переулок. Здесь было тише — дома стояли старые, трёхэтажные, с покосившимися крышами. В окнах горел жёлтый свет — огненные мухи в дешёвых лампах. Где-то играла музыка — скрипка, которую кто-то учился настраивать уже второй год. Лёха знал этот дом. Здесь жила старуха, в квартире которой он проснулся сегодня утром.

Он остановился, поднял голову. Её окно было на третьем этаже. Свет горел. Значит, она проснулась. Не помнит ничего — Лёха уже знал, как это работает. Когда он захватывал чужое тело, человек впадал в глубокий сон. Просыпался отдохнувшим, но без нескольких часов жизни. И без нескольких воспоминаний, если Лёха задерживался дольше, чем на ночь.

Он задерживался редко. Ему не нравилось красть чужие жизни. Но выбора не было.

— Ты думаешь о ней, — сказал голос в голове.

Лёха вздрогнул. Голос из-за стены — он всё ещё был здесь. Пульсировал где-то на границе сознания, как заноза, которую нельзя вытащить.

— Отвали, — сказал Лёха вслух.

Прохожий в плаще обернулся, посмотрел на него с испугом и ускорил шаг.

— Я не могу отвалить, — ответил голос спокойно. — Я теперь часть тебя. Твоя мысль — мой дом. Ты думаешь — я живу. Ты перестанешь думать — я умру. Но ты не умеешь переставать думать, Скол. Это твоя проблема. И моё счастье.

— Какое счастье? Ты сидишь в моей голове и жрёшь мои мысли?

— Не жру. Читаю. Это разные вещи. Жрёшь ты сам, когда не можешь остановиться. А я просто смотрю. Твои воспоминания прекрасны. Та боль, когда ты первый раз упал с крыши и сломал позвоночник. Та минута, когда ты лежал на дне реки и ждал, когда лёгкие наполнятся водой. Та секунда, когда ты понял, что не тонешь, потому что твоё тело не нуждается в воздухе. Это искусство, Скол. Симфония страдания.

— Ты больной, — сказал Лёха.

— Я — память, — поправил голос. — А память не бывает здоровой или больной. Память бывает точной или неточной. Моя точность абсолютна.

Лёха зашёл в подворотню, прислонился спиной к стене. Достал папиросу, закурил. Руки не дрожали — они давно разучились дрожать. Но внутри было пусто. Не страшно, не больно, не зло. Просто пусто. Как в той комнате без углов.

— Слушай, тот, без имени, — сказал он. — Ты знаешь, как меня убить?

Голос молчал долго. Так долго, что Лёха успел докурить папиросу до половины.

— Знаю, — наконец ответил голос. — Но не скажу.

— Почему?

— Потому что ты — единственный, кто меня слышит за последние тридцать лет. Борис не слышал. Он был немой, но он был глухой к моему голосу. Я кричал ему в голову каждый день. Он не понимал. Он думал, что это шум в ушах. Ты понимаешь. Ты первый, кто понимает. Зачем мне убивать единственного слушателя?

— Затем, что я сам хочу умереть.

— Ты хочешь умереть не по-настоящему. — Голос стал тише, почти ласковым. — Ты хочешь перестать страдать. Это разные вещи. Смерть не лечит страдания, Скол. Смерть их замораживает. Они остаются с тобой навсегда, даже когда тебя нет. Я знаю. Я сам умер, а мои страдания остались.

— Ты умер?

— Все, кто за Порогом, когда-то умерли. Или не родились. Или родились, но не до конца. Я не помню. Память у меня есть, а биографии нет.

Лёха выдохнул дым в чёрное небо.

— Значит, ты не скажешь, как меня убить.

— Не скажу.

— А скажешь, зачем Борис хранил свитки с грифом «Стекло»?

— Это не тайна. Борис хранил их, потому что боялся. В свитках — инструкция. Как открыть Порог. Как войти в мою комнату. Как стать таким, как я. Борис боялся, что кто-то прочтает и захочет повторить.

— А кто-то захотел?

— Ты.

— Я не хочу становиться тобой.

— Ты уже становишься. Каждый раз, когда умираешь и возвращаешься, ты оставляешь часть себя за Порогом. А забираешь часть меня. Мы меняемся, Скол. Медленно. Но верно.

Лёха бросил окурок в лужу. Тот зашипел и погас.

— И сколько мне осталось?

— Не знаю. Может, год. Может, десять лет. Может, ты уже стал мной, но ещё не заметил.

— Заметил бы.

— Уверен?

Лёха не ответил.

Он вышел из подворотни и пошёл в сторону своей квартиры. Съёмной комнаты на окраине, где не было магии, не было огненных мух, не было даже кровати. Только старый матрас, стопка книг и пистолет под подушкой. Пистолет был заряжен пулями, которые не могли его убить. Но Лёха всё равно держал его. На случай, если вдруг получится.

Голос замолчал. Не исчез — просто притих. Лёха чувствовал его присутствие, как чувствуют боль в старой ране перед дождём. Он знал, что теперь это будет всегда. Каждую минуту. Каждую секунду. До самого конца, которого не будет.

Он зашёл в дом. Поднялся на четвёртый этаж. Открыл дверь своим ключом — обычным, железным, без всякой магии. Комната встретила его запахом сырости и табака.

Лёха снял куртку, повесил на гвоздь. Достал из кармана пачку папирос — почти пустую. Положил на подоконник. Потом сел на матрас, закрыл глаза и попытался не думать.

Но мысли лезли сами. О Борисе. О тёплой стене. О крови на потолке. О голосе, который теперь живёт у него в голове.

— Варя, — вдруг сказал он вслух.

Сам не зная, зачем.

Голос отозвался не сразу.

— Кто такая Варя? — спросил он.

— Не твоё дело, — ответил Лёха.

И лёг спать. Не раздеваясь. С пистолетом под рукой. И с именем, которое он не понимал, зачем произнёс.

Варя. Откуда он знал это имя? Он не помнил никакой Вари. Ни в этом мире, ни в том. Но язык произнёс сам, без спроса. Как будто кто-то другой жил в его теле и называл любимых по именам.

Лёха уснул. И во сне он снова стоял перед тёплой стеной. А за стеной кто-то плакал. Женский голос. Тихий, как шум дождя.

— Ты забыл меня, — сказал голос. — Это ничего. Я подожду.

Лёха проснулся в холодном поту. В комнате никого не было. Голос в голове молчал.

Но на подоконнике, рядом с пачкой папирос, лежал бронзовый ключ с тремя бородками. Тот самый, который он бросил Веригину.

Лёха взял ключ. Повертел в пальцах. Ключ был тёплым. Как тот кирпич в стене.

— Веригин, сука, — сказал Лёха. — Ну и дела у тебя с охраной.

Голос в голове тихо засмеялся.

— Не Веригин, — сказал голос. — Я. Я принёс. Хочу, чтобы ты вернулся. Завтра. К стене. Поговорим ещё.

— О чём?

— О Варе. Ты назвал её во сне. Она ждала тебя тысячу лет, Скол. Или не тысячу. Я путаюсь во времени. Но она ждёт. На красной планете. В городе из чёрного стекла.

Лёха замер.

— Откуда ты знаешь про красную планету?

— Я всё знаю, — ответил голос. — Я — память. А она — моя самая старая запись.

Лёха сжал ключ в кулаке так сильно, что металл впился в ладонь. Кровь потекла по пальцам, но рана затянулась через секунду. Ключ остался тёплым. И где-то очень далеко, на планете, которой не было на картах, женщина по имени Варя открыла глаза в тысячный раз и прошептала одно слово:

— Скол.

Но Лёха этого не услышал.

Он сидел на матрасе, сжимал в руке чужой ключ и впервые за два года не хотел умереть. Не потому что нашёл смысл. А потому что появилась загадка, которую нужно было разгадать.

Варя. Красная планета. Город из чёрного стекла.

Он решил, что завтра вернётся к стене. И поговорит с голосом. По-настоящему.

А сегодня — просто дожить до утра.

Что для человека, который не может умереть, было не так уж сложно.

Глава 2. Чужие лица

Лёха проснулся от того, что кто-то дышал ему в затылок.

Он не открывал глаза. Не шевелился. Тело помнило то, что голова уже начала забывать: в этом мире смерть приходила не только из-за стен, но и из-за углов. А углов в его съёмной комнате было четыре. И каждый мог прятать кого-то.

Дыхание было ровным, тёплым, без запаха. Не человек. Человек пахнет потом, табаком, едой. Здесь не пахло ничем. Только сырость и старая штукатурка.

Лёха медленно, на сантиметр, подвинул правую руку к подушке. Пистолет был там. Он чувствовал холод металла даже через ткань.

— Не надо, — сказал голос из-за спины.

Голос был детским. Лет восьми-девяти. Девочка. Или мальчик с высоким голосом. Лёха не мог разобрать.

— Кто ты? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ты меня позвал.

— Я никого не звал.

— Позвал. Когда сказал «Варя». Ты не Варю позвал. Ты позвал того, кто знает про Варю. А это я.

Лёха открыл глаза. Комната была серой — утро только начиналось, и свет с трудом пробивался сквозь грязное окно. На подоконнике всё ещё лежал бронзовый ключ. Пачка папирос. Пустая кружка.

И на краю матраса, в ногах, сидела девочка.

Лет восьми. Русые волосы, собранные в два хвоста. Платье — старое, серое, с заплаткой на колене. Босая. На ногах — грязь, будто она шла по болоту.

Но глаза были не детские. Совсем. Светло-серые, почти белые. И в них — пустота. Такая же, как за стеной в архиве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.